

Г. С. ФИЛАТОВ

ИТАЛЬЯНСКИЙ ФАШИЗМ И ЕГО КРАХ *

Военное поражение Италии и свержение Муссолини
(1939—1943 гг.)

ВСТУПЛЕНИЕ В ВОЙНУ

1 сентября 1939 г. разбойничьим нападением на Польшу Гитлер развязал вторую мировую войну. Во всем мире царилло убеждение, что Италия немедленно присоединится к агрессии. Однако в тот же день совет министров опубликовал заявление, что Италия намерена придерживаться статуса «невмешательства». Подобный оборот дела был большим сюрпризом даже для Гитлера.

Со времен Мюнхена Муссолини понимал, что Италия может быть втянута в войну крупного масштаба, и захват Германией Чехословакии послужил тому еще одним подтверждением. Мысли о войне постоянно занимали Муссолини. Выступая на заседании Большого фашистского совета в феврале 1939 г., Муссолини говорил: «Находимся ли мы сейчас в идеальных условиях для того, чтобы вести войну? Ни одно государство в мире никогда не бывает полностью готовым к войне, если под этим подразумевать математическую уверенность в победе... Но нет сомнений в том, что наша подготовка будет лучше через несколько лет». Далее он изложил программу военных мероприятий Италии, которая, в частности, включала необходимость реализовать «хотя бы на 50% наши автаркические планы»¹.

Муссолини считал, что для Италии войну было бы выгоднее начать в 1943 г. Когда Чиано сказал об этом Риббентропу во время переговоров в мае 1939 г., германский министр иностранных дел успокоительно ответил, что Германия также убеждена в необходимости мира в течение четырех-пяти лет².

Риббентроп не хотел раскрывать карты перед собеседником, которого он не без основания подозревал в излишней болтливости. 22 мая они подписали соглашение о военном союзе, которое поставило Италию в полную зависимость от воли Гитлера. Это соглашение, претенциозно окрещенное «стальным пактом», содержало пункт о том, что если одна из сторон «вступит в военные действия с какой-либо державой или державами», то вторая подписавшая его сторона безоговорочно поддержит ее всеми вооруженными силами «на земле, в воздухе и на море». Военный союз прямо исходил из возможности агрессивной войны.

Переговоры, которые велись в период заключения пакта, вопреки надеждам Муссолини, ничего не дали для выяснения подлинных намерений Гитлера. Поэтому вскоре после этого он послал в Германию генерала Каваллерио. Будущий начальник итальянского генерального штаба вручил Гитлеру пространный меморандум³. Соглашаясь с

* Начало см. в № 1 нашего журнала за 1972 г.

¹ F. W. Deakin. Storia della repubblica di Salò. Torino, 1963.

² G. Ciano. L'Europa verso la catastrofe. Milano, 1948.

³ Текст меморандума см. «Ministero affari esteri. I documenti diplomatici italiani» (далее — DDI), VIII serie, vol. XII, p. 49—50.

неизбежностью конфликта, Муссолини тем не менее считал, что потребуется по крайней мере три года военной, политической и моральной подготовки к войне.

Большое место в меморандуме Муссолини уделено рассуждениям об общей стратегии войны, явно стремясь поразить Гитлера широтой взглядов. Он писал, что на Западе война будет носить позиционный характер и лишь на Востоке и Юго-Востоке Европы страны оси смогут проявить свой динамизм. Поскольку «великие демократии» готовят войну на истощение, то Муссолини предлагал «для обеспечения стран оси сырьем и промышленными поставками» захватить Грецию, Румынию и Турцию, используя для этого «две пешки» — Венгрию и Болгарию. Не предвидел затруднений Муссолини и в расправе над Польшей «до того, как ей будет оказана конкретная помощь». В заключение Муссолини выражал желание узнать мнение Гитлера о его соображениях и в случае положительного ответа предлагал «дать директивы генеральным штабам для подготовки соответствующих планов».

Безудержная воинственность меморандума Муссолини могла сравниться только с невероятным дилетантизмом его стратегических концепций. Однако он придавал ему очень большое значение и приказал ознакомить с ним всех итальянских министров и высших генералов. Тем самым создавалось впечатление, что речь идет о согласованной линии поведения держав оси. Между тем в Германии, где уже был выработан свой конкретный план действий и велась усиленная подготовка к его осуществлению, туманные рассуждения Муссолини были встречены весьма холодно. Хорошим комментарием немедкой оценки «творчества» Муссолини служит запись из дневника начальника кабинета Риббентропа, Е. Кордта: «Заметки о подготовке и ходе возможного конфликта в 1943 г., которые изложены в письме Муссолини, являются типичным примером отсутствия морали в его характере и претенциозного идиотизма его выражений. Нет даже нужды входить в подробности»⁴.

Гитлер ничего не ответил Муссолини. Он ограничился тем, что приказал сообщить итальянскому послу, что «в общем» одобряет соображения Муссолини, но хотел бы побеседовать с ним лично. Между тем запланированная встреча между диктаторами была заменена свиданием Чiano и Риббентропа. Обмен мнениями по поводу стратегического плана Муссолини так и не состоялся.

Не следует, однако, думать, что летом 1939 г. Гитлер стремился к войне, а Муссолини удерживал его от поспешного шага. Со свойственной ему непоследовательностью Муссолини в определенные моменты выступал самым горячим сторонником скорейшего начала войны. Так, 24 июля он направил итальянскому посольству в Берлине инструкцию в связи с предполагавшейся в то время встречей с Гитлером. «Прежде всего следует подчеркнуть со всей ясностью и безапелляционностью, — писал Муссолини, — если фюрер считает, что сейчас действительно наступило время для войны, то Италия готова согласиться с ним на 100%»⁵. Конец послания Муссолини звучал как прямое подстрекательство: «Сейчас война была бы сюрпризом, в то время как среди важных преимуществ держав оси должна быть именно возможность выступить в момент, когда этого менее всего ожидают, чтобы сразу достичь максимальных результатов. По всей вероятности, через несколько месяцев общественное мнение демократических стран устанет от нынешнего напряжения нервов и тогда возможность для сюрприза будет еще большей»⁶.

Таким образом, речь шла о разногласиях между двумя разбойниками насчет того, когда выгоднее напасть на свою жертву. При этом Муссолини проявлял ничуть не меньше цинизма, чем Гитлер. Оба партнера были полны взаимного недоверия и справедливо подозревали друг друга в неискренности. Поэтому совершенно неуместными были взаимные обиды на отсутствие откровенности, которые особенно часто высказывались в Италии.

К 25 августа, когда военные приготовления Гитлера не оставляли уже никаких сомнений, Муссолини был убежден в необходимости «идти плечо к плечу» с Гитлером. Он распорядился в течение ночи подготовить приказ о всеобщей мобилизации. Фашистская Италия готовилась вступить в войну, которую начинал Гитлер. Чiano записал в своем

⁴ M. T o s c a n o. *Le origini diplomatiche del Patto d'acciaio*. Firenze, 1956, p. 374.

⁵ DDI, VIII serie, vol. XII, p. 497—499.

⁶ G. C i a n o. *Diario*, vol. I. Milano, 1963, p. 149.

дневнике: «Муссолини решил вступить в войну немедленно. Бороться бесполезно: я смиряюсь» ⁷.

В тот же день в Рим пришло послание, в котором Гитлер сообщал, что нападение на Польшу последует в ближайшее время и что он надеется на «понимание с итальянской стороны». Однако в послании не было ясного указания на то, что Гитлер требует во что бы то ни стало немедленного военного вмешательства Италии.

Муссолини решил поторговаться со своим партнером. Вечером Чиано передал послу в Берлине по телефону ответ Муссолини: «Если Германия атакует Польшу и конфликт будет локализован, Италия окажет Германии любой вид политической и экономической помощи, которую от нее потребуют. Если Германия атакует Польшу и ее союзники контратакуют Германию, я предпочел бы не брать на себя инициативу в развязывании военных действий, учитывая современное состояние итальянской военной подготовки, о которой неоднократно и своевременно сообщалось Вам, фюрер, и Риббентропу. Однако наше выступление может быть необходимым, если Германия тотчас же предоставит нам военные средства и сырье, необходимые для того, чтобы выдержать удар, который англо-французы направят преимущественно против нас» ⁸. Гитлер ожидал от своего итальянского союзника совсем другого. «Немецкая реакция была весьма холодной», — отмечал в дневнике Чиано. Тем не менее поздно вечером немецкий посол в Риме Макензен вручил Чиано короткую ноту, в которой запрашивались точные данные об итальянских потребностях.

Утром 26 августа Муссолини собрал в своем кабинете начальников штабов трех родов войск и приказал составить список военных материалов, необходимых для того, чтобы Италия была способна вступить в войну. При этом было дано понять, что стесняться не следует. В результате получился документ, в котором значилось 170 млн. т военных материалов: для их транспортировки понадобилось бы 17 тыс. железнодорожных эшелонов ⁹. Эти требования намного превышали возможности гитлеровской Германии. В своем ответе, прибывшем 27 августа, Гитлер просил лишь не сообщать о решении Италии соблюдать нейтралитет, продолжать мобилизационные мероприятия для того, чтобы держать в напряжении Францию и Англию, а также послать сельскохозяйственных и промышленных рабочих в Германию. Муссолини согласился на эти условия.

1 сентября 1939 г., в день начала войны, было опубликовано официальное коммюнике итальянского правительства о том, что Италия занимает позицию «неучастия» и «не возьмет на себя инициативу начала военных действий». Последняя фраза была заведомо ложной, поскольку Муссолини за несколько дней до этого торжественно обещал Гитлеру, что Италия вступит в войну «через некоторое время».

После войны представители высших военных кругов Италии истратили море чернил для того, чтобы доказать слабость итальянских вооруженных сил накануне войны. Авторы этих многочисленных сочинений, заполненных всевозможными статистическими выкладками, пытались снять с себя ответственность за поражение и доказать, что только Муссолини, и он один, втянувший-де Италию в войну, несмотря на все их предупреждения, виновен в катастрофе. Итальянские генералы рисуют столь мрачную картину, что невольно возникает вопрос: если вооружения и запасов в лучшем случае должно было хватить на шесть месяцев, каким же образом итальянская армия активно участвовала в военных действиях на протяжении всех трех лет войны? Дело заключалось в том, что военные потребности всячески раздувались заинтересованными командующими родов войск.

Есть много примеров того, что армейские чины пользовались полной свободой бесконтрольно формулировать свои заказы. Как пишет итальянский историк Ф. Бандини, «это делалось как с тайной целью, запросив вдвое, получить половину, так и по соображениям престижа перед другими родами войск» ¹⁰. В конце 1938 г. командование авиации заявило, что потребность в самолетах на 1939 г. составляет 12 885 машин. Эта взятая с потолка цифра не только не соответствовала возможностям итальянской авиационной промышленности, но и была в то время не под силу ни одному капиталисти-

⁷ G. C i a n o. Diario, vol. I, p. 167.

⁸ DDI, VIII serie, vol. XIII, p. 164—165.

⁹ G. C i a n o. Diario, vol. I, p. 169.

¹⁰ F. B a n d i n i. Tecnica del la sconfitta. Milano, 1963, p. 347—348.

ческому государству. В 1939 г. производство боевых самолетов в США, Германии и Франции вместе взятых не превышало 10 тыс.¹¹ Почти столь же фантастическими были расчеты итальянских военных в области горючего. Верховная комиссия по обороне указывала в 1939 г., что годовая потребность Италии в нефти в военное время составит 8,5 млн. т. Поскольку Италия воевала на протяжении 39 месяцев, то, согласно наметкам верховной комиссии, она должна была бы затратить по крайней мере 34 млн. т нефти. Фактически же она затратила за все это время не более 6—7 млн. т¹². Если же в целом сравнить вооружение фашистской армии с военным потенциалом Англии и Франции, то будет ясно, что каждый из двух основных противников Италии в отдельности по главным показателям вооружения не превосходил Италию. Хотя серьезные недостатки в подготовке вооруженных сил и удерживали Муссолини от выступления в сентябре 1939 г., он руководствовался при этом также и соображениями политического характера; он хотел выждать более благоприятного момента, понаблюдать некоторое время со стороны: как пойдут дела у партнера.

Муссолини бросил Италию в войну полугода спустя; вооруженные силы Италии за это время не стали намного сильнее, но перспектива победы Германии в тот момент казалась ему весьма близкой. Сообщение Гитлера о начале наступления весной 1940 г. было сделано в своеобразной форме. 9 мая, когда Чиано прощался с немецким послом Макензеном, в доме которого он обедал («обед был плохим и беседа скучной», — уточнил в своем дневнике Чиано), посол сказал, что, «возможно», ему придется ночью побеспокоить итальянского министра иностранных дел, поскольку он ждет важное сообщение по телефону из Берлина. В 4 часа утра Макензен позвонил Чиано и сообщил, что заснет за ним через полчаса, чтобы отправиться к Муссолини. Когда Чиано увидел Макензена, то заметил у него в руках толстую папку, «которая, конечно, не могла быть присланной из Берлина по телефону»¹³. Прибыв к Муссолини, немецкий посол зачитал документ, в котором говорилось о начале наступления против Бельгии, Голландии и Франции: «Дуче, когда Вы получите это послание, я уже перейду Рубикон»¹⁴.

Будучи уверен в том, что вермахт своими силами справится с французской армией, Гитлер не предъявил партнеру никаких требований.

Не было никакой необходимости подталкивать итальянские правящие круги — воинственный дух охватил все без исключения группы фашистской верхушки. Жена Муссолини, Рашель, в мемуарах пишет: «Я помню, как он вернулся домой с пачкой фотографий и документальным фильмом о немецких операциях. Армия рейха казалась циклоном, ломающим на пути все препятствия и подавляющим всякое сопротивление. «Посмотри на эту потрясающую армию! — воскликнул Бенито. — Выступим мы или нет, немцы займут всю Европу и если мы не заплатим нашу долю крови, то они будут единоличными диктаторами Европы... Теперь все хотят войны, даже те немногие, что были против «стального пакта». Меня критикуют за промедление, боясь, что мы остаемся в дураках, придя последними»¹⁵. Муссолини лихорадочно торопил командующих вооруженными силами. На деле он понимал, что большинство итальянцев вовсе не хотят войны. «Для того, чтобы сделать народ великим, — говорил он Чиано, — надо заставить его воевать, даже с помощью пинков в зад. Я так и сделаю»¹⁶.

Вскоре Муссолини собрал совещание начальников штабов и заявил им, что, начиная с 5 июня, следует «со дня на день» ждать приказа о выступлении против Франции. В это время ни Муссолини, ни Чиано уже не делали секрета из своих намерений. 29 мая в ответ на предложение французского посла изложить требования Италии по отношению к его стране Чиано напыщенно заявил, что, даже если бы посол принес на блюдечке Тунис, Аλικир, Корсику и Ниццу, он бы от них отказался. «Для Италии осталось только одно: война»¹⁷. Вместе с тем дату выступления Италии Муссолини старался скрыть до последнего момента даже от немцев. Лишь 30 мая Муссолини направил Гитлеру письмо, в котором сообщал, что Италия начнет войну 5 июня. Дуче писал, что

¹¹ F. Bandini. Op. cit., p. 348.

¹² Ibid., p. 367.

¹³ G. Ciano. Diario, vol. I, p. 294.

¹⁴ «Les archives secrètes de la Wilhelmstrasse», vol. IX, livre II. Paris, 1956, p. 15—16.

¹⁵ R. Mussolini. Ma vie avec Benito. Paris, 1948, p. 140.

¹⁶ G. Ciano. Diario, vol. I, p. 283.

¹⁷ «Les archives secrètes...», vol. IX, livre II, p. 165.

итальянская армия располагает 70 дивизиями в боевой готовности, и, кроме того, в «Итальянской Восточной Африке» имеется еще 350 тыс. итальянских и африканских солдат. Касаясь политических аспектов войны, Муссолини высказывал убеждение, что ее «не следует распространять на Дунайский бассейн и Балканы», так как Италия намерена получать из этих районов снабжение для ведения военных действий»¹⁸.

Гитлер снисходительно соглашался с началом военных действий 5 июня или же 6, или 8. Он не советовал вступать в войну 7 июня, так как это пятница, «которую многие считают несчастливым днем». Было понятно, что Гитлер с охотой обошелся бы без итальянского участия. Однако, когда германский посол сообщил, что Гитлер согласен с датой 5 июня, Муссолини тут же ответил, что он передумал и начнет войну на пять дней позже. 10 июня Чиано вызвал к себе послов Франции и Англии и сделал заявление о том, что Италия объявляет этим странам войну.

ВОЕННЫЙ КРАХ И СВЕРЖЕНИЕ МУССОЛИНИ

В тот же день Муссолини с балкона дворца «Венеция» произнес речь перед многочисленной толпой. Он говорил, что Италия вступает в войну «бедных и молодых народов» против «народов бесплодных и дегенерирующих». Это было повторением старых тезисов фашистской пропаганды, и Муссолини не считал нужным искать никаких других обоснований. Он не сформулировал конкретных претензий к Франции и Англии, ограничившись заявлением, что эти страны стремились держать Италию «пленницей Средиземного моря». Цели войны были весьма широковещательными, но выражены в общей форме: «Мы беремся за оружие для того, чтобы разрешить проблему наших морских границ... 45-миллионный народ не может быть свободным, если у него нет свободного доступа к океанам». Муссолини в десятый раз лицемерно уверял, что Италия не намерена втягивать в конфликт пограничные с ней страны — Швейцарию, Грецию, Турцию и Египет¹⁹.

Было ясно, что единственным движущим мотивом правящих групп Италии было не опоздать к финалу. В июне 1940 г. мало что изменилось в военной подготовке страны по сравнению с августом 1939 г. Состояние вооруженных сил ненамного улучшилось — об этом итальянские военные заявляли не только Муссолини, но и немецким коллегам. Не наблюдалось подъема шовинистических настроений²⁰. Муссолини хорошо знал, что число итальянцев, захваченных милитаристской пропагандой, было весьма ограниченным. Муссолини много раз говорил о том, что Италия намерена вести «параллельную войну», т. е., пользуясь победами Гитлера на главных направлениях, добиваться собственных целей. Наиболее развернутое определение этих целей он дал в речи на заседании Большого фашистского совета 4 февраля 1940 г.

Муссолини твердил, что главная задача Италии, которая не имеет территориальных претензий в Европе, — это пробиться к океану. К какому океану? К Индийскому через Судан и Ливию, или к Атлантическому через французскую Северную Африку. При любом варианте Италии придется столкнуться с Францией и Англией. Именно поэтому, заключал Муссолини, союз с Германией, которая прикроет Италию с тыла, «является основополагающей исторической необходимостью»²¹. Эта программа мало соответствовала реальным возможностям фашистской Италии, но иллюстрировала ее неумеренные аппетиты. Основная мысль была достаточно ясна: оставляя Европу Гитлеру, развивать свою агрессию в районе Средиземного моря.

Понадобилось всего шесть месяцев для того, чтобы самонадеянные планы «марша к океанам» и «параллельной войны» развеялись в пух и прах. Попытка «похода на Египет», предпринятая осенью 1940 г., окончилась полным провалом; английские вой-

¹⁸ «Les archives secrètes...», vol. IX, livre II, p. 191.

¹⁹ L. Salvatorelli, G. Mira. Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1962, p. 994.

²⁰ К. Сенезе, бывший в то время заместителем начальника полиции, писал в мемуарах, что «единственным горячим сторонником войны был Стараче, который произнес «историческую» фразу: «Для меня война — это как блюдо макарон». — C. Senese. Quando ero capo della polizia. Roma. 1946, p. 35.

²¹ F. W. Deakin. Op. cit., p. 7.

ска не только остановили итальянскую армию под командованием Грациани, но и нанесли ей серьезное поражение. Более того, начав наступление против Эфиопии, английские дивизии в несколько месяцев очистили страну от итальянских войск. Не лучше обстояли дела на Балканах, где в октябре начались военные действия против Греции. Здесь наступление итальянцев длилось лишь несколько дней: меньшая по численности греческая армия вскоре оттеснила итальянские дивизии за линию границы.

В конце 1940 г. германский военный атташе в Риме генерал Ринтелен направил в Берлин обзор военных действий, который заканчивался самыми мрачными прогнозами: «Италия не в силах самостоятельно вести войну на Средиземном море, — писал он, — и разгром Италии мог бы отрицательно сказаться на ведении операций немецкой армией»²². Муссолини был вынужден согласиться на военную помощь, от которой раньше отказывался: в Северную Африку весной 1941 г. прибыл немецкий бронетанковый корпус под командованием Роммеля, а сопротивление Греции было сломлено после вмешательства вермахта. Однако, как только Муссолини узнал о нападении Гитлера на Советский Союз, он, очертя голову, присоединился к старшему партнеру. Сообщение Гитлера о начале агрессии было сделано в ставшей уже традиционной форме: среди ночи немецкий посол разбудил Чиано, и вдвоем они отправились к Муссолини для того, чтобы передать ему послание Гитлера. «С нами всегда обращались не как с партнерами, а как со слугами, — комментировал позднее Чиано. — Все действия предпринимались за нашей спиной, обо всех решениях, даже самых важных, мы узнавали, когда дело уже было сделано. О нападении на Россию нас уведомили через полчаса после того, как войска рейха перешли восточную границу»²³.

Если Гитлер и его приспешники тщательно скрывали от итальянцев дату нападения на Советский Союз, то это не значит, что война против Страны Советов была для них полной неожиданностью. «Крестовый поход» против коммунизма был давнишней мечтой «дуче», и в период «неучастия» Италии в войне он даже напомнил Гитлеру о необходимости не забывать про «главную задачу» фашистских государств — антибольшевистскую борьбу. При этом он указывал, что разрешение вопроса о жизненном пространстве Германии «лежит в России и нигде больше»²⁴. В том, что Гитлер рано или поздно нападет на Советский Союз, Муссолини всегда был уверен и не скрывал этого. Выступая на заседании совета министров в сентябре 1940 г., он рекомендовал своим приближенным помнить о том, что столкновение стран оси с Советской Россией неизбежно. Правда, он думал тогда, что это произойдет между 1945 и 1950 гг.

Начало гитлеровской агрессии против Советского Союза означало для Италии прежде всего сокращение немецкой военной помощи. А без нее итальянская армия не была способна не только достигнуть решающего успеха на Средиземном море, но даже удержать то, что было захвачено раньше. Муссолини этого совершенно не понимал и продолжал надеяться на успех. На первом после нападения на СССР заседании совета министров (5 июля 1941 г.) он говорил: «В ночь на 22 июня Гитлер передал мне послание с сообщением о том, что он принял решение атаковать Россию. Это — историческое решение, и я сразу осознал его серьезность и значение, которое оно имеет для будущего Германии и Европы, его последствия будут ощущаться на протяжении веков».

Заявив, что Италия не может отсутствовать на новом фронте, на котором решается «судьба Европы и всего мира», Муссолини сообщил, что он отдал приказ немедленно послать в Россию три дивизии, за которыми последуют новые контингенты²⁵. Он знал, что обещания Гитлера превратить Украину в «общую базу продовольственного и военного снабжения» останутся пустым звуком, если их не гарантировать с помощью военного кулака. Необходимость участия в «Восточном походе» у подавляющего большинства представителей итальянской верхушки в то время не вызывала никаких сомнений. Фраза о восьми неделях, которые фюрер считал достаточными для достижения победы, без конца повторялась гитлеровскими чиновниками, прессой и действовала гипнотически на итальянцев. 23 июля 1941 г. Чиано записал в дневнике: «Каваллеро считает,

²² E. von R i n t e l e n. Mussolini, alleato. Roma, 1952, [p. 105.

²³ G. C i a n o. Diario, vol. I, p. 5—6.

²⁴ G. C i a n o. Diario, vol. II, p. 31.

²⁵ G. G o r l a. L'Italia nella seconda guerra mondiale. Milano, 1959, p. 216—217.

что немцы легко могут одержать решающую победу. Он думает, что вооруженные силы большевиков рассеются, вызвав всеобщий крах»²⁶.

Уже в июле 1941 г. итальянский экспедиционный корпус отправился на Восточный фронт. Летом 1942 г. он превратился в армию, насчитывающую в своем составе десять дивизий. До зимы 1942/43 г. итальянские дивизии не участвовали в крупных боях на советско-германском фронте. Основные силы итальянской армии находились в районе Средиземного моря. Значительная часть армии несла оккупационную службу в Греции и Югославии. Активные боевые действия велись вдоль побережья Средиземного моря и напоминали движение маятника: попытки итало-германских войск, ударной силой которых были бронетанковые дивизии Роммеля, вести наступление на Египет сменялись контрнаступлениями англичан. Однако постепенно преимущество союзников становилось все более ощутимым. В октябре 1942 г. итало-германские войска были наголову разгромлены под Эль-Аламейном, в 150 км от Александрии, и начали безостановочно отступать от границ Египта к Тунису.

Решающее значение для хода боевых действий в Северной Африке имели события на советско-германском фронте. Сталинградская битва предопределила судьбу итало-германских войск в Ливии: в критический момент Роммелю было отказано в каких-либо подкреплениях. Кроме того, в ходе грандиозного сражения на Волге были также полностью разгромлены десять итальянских дивизий, прикрывавших левый фланг сталинградской группировки гитлеровцев. Таким образом, к началу 1943 г. на обоих фронтах итальянские дивизии потерпели серьезные поражения.

В это время обострилось также и внутреннее положение в стране. Подавляющая часть итальянского населения в 1942 г. в полной мере испытывала все тяготы и лишения военного времени. К недостатку продовольствия и товаров прибавились систематические разрушительные бомбардировки англо-американской авиации. Это были уже не спорадические налеты нескольких самолетов, как было в первый год войны, а массированные рейды сотен «летающих крепостей». Недовольство трудящихся стало выливаться в активные выступления. В 1942 г. впервые после установления фашистской диктатуры в Италии рабочие стали бастовать, причем многие из этих забастовок носили политическую окраску.

Поворот в ходе военных действий и рост оппозиции в стране создали новые условия для антифашистов. В 1942 г. заметно оживилась деятельность коммунистов, которые возобновили выпуск газеты «Unità» в самой Италии. Тревожное положение в стране все более явственно ощущали и правящие круги. Итальянские фашисты готовились торжественно отметить в октябре 1942 г. 20-летие пребывания у власти. Еще до войны начались приготовления к всемирной выставке — несколько зданий, построенных в тяжеловесном помпезном стиле, до сих пор можно видеть на окраине Рима. Одно время Муссолини думал даже приурочить к этой дате вступление Италии в войну. Однако плачевные итоги 20-летия заставили Муссолини полностью изменить планы празднования годовщины «похода на Рим». Даже торжественную речь, с которой он намеревался обратиться в этот день к фашистской верхушке, пришлось отменить. Англо-американская авиация отметила юбилейные дни усиленными бомбардировками, донося дыхание войны во все уголки страны.

Неверно было бы говорить о создании организованной оппозиции против Муссолини осенью 1942 г., однако налицо было заметное оживление «умеренного» крыла итальянского правящего класса. Это были представители фашистской верхушки, королевского окружения и крупной буржуазии, в свое время опасавшиеся «большой войны» и выдвигавшие более ограниченные планы империалистических захватов. В области внутренней политики они недоверчиво относились к некоторым хозяйственно-экономическим мероприятиям фашистского режима, были раздражены псевдореволюционной демагогией Муссолини, возобновившего нападки на «буржуазию». Оппозиция в фашистской верхушке обуславливалась также различными личными причинами, прежде всего грызней за власть.

Наиболее своеобразной фигурой среди фашистов-диссидентов был, несомненно, Чiano. Он раньше Муссолини понял губительные последствия союза с Гитлером, и его неприязнь к тестю нарастала с каждым днем. Чувствуя себя инородным телом в

²⁶ G. C i a n o. Diario, vol. II, p. 51.

фашистской верхушке, Чиано предпринимал все более настойчивые попытки снискать симпатии королевского окружения и Ватикана. Другим видным фашистом, все более отходившим от Муссолини, был Гранди. Главная цель его заключалась в том, чтобы в случае провала планов Муссолини суметь остаться на поверхности. Гранди исполнял обязанности министра иностранных дел, затем посла в Лондоне и, наконец, председателя фашистской палаты депутатов. «Кем бы я был, если бы не встретил Вас, — писал Гранди в личном послании Муссолини. — Самое большое — безвестным провинциальным адвокатом»²⁷. Это не помешало Гранди в 1943 г. возглавить заговор против своего благодетеля. Непосредственные наблюдения во время кратковременного пребывания на фронте в Албании в 1941 г. убедили Гранди в неспособности фашистской партии руководить ходом военных операций. По его словам, именно «в окопах Греции» у него зародился план отстранения Муссолини от командования армией²⁸. Проверить это утверждение довольно трудно, поскольку о существовании подобного плана в 1942 г. никто не знал, а сам Гранди продолжал, как и раньше, раболепствовать перед Муссолини. Противниками продолжения войны на стороне Германии были также министр просвещения Боттаи и бывший председатель сената, президент Академии наук Федерцони. Первый из них известен как представитель умеренного крыла фашизма, а Федерцони был одним из немногих оставшихся в живых ветеранов фашистского движения, которые пришли в него из рядов националистической партии.

Муссолини знал о настроениях, которые царили в его ближайшем окружении. Начальник полиции ежедневно доставлял ему зеленые папки, в которых были собраны сведения о поведении фашистских заправил. Полицейские осведомители сообщали о непочтительных высказываниях в его адрес, о подозрительных встречах, которые участились между фрондирующими фашистами. Однако его мало беспокоило поведение иерархов: он был уверен в себе и слишком презирал своих приближенных, чтобы их бояться. Муссолини был прав в том отношении, что сами по себе фашистские иерархи не представляли для него опасности. Они тоже хорошо это понимали, и поэтому каждый из них стремился заручиться поддержкой короля или его окружения. Юридически король продолжал оставаться главой государства, и сохранение монархии несколько ограничивало фашистский режим в Италии. Правда, Виктор Эммануил всегда был послушным исполнителем воли Муссолини и покорно терпел все унижения, которым его подвергали. Однако Муссолини как глава правительства должен был регулярно являться на доклад к королю и информировать его о положении в стране, а все законодательные постановления представлялись ему на подпись.

Осенью 1942 г. Виктор Эммануил был еще очень далек от мысли выступить против Муссолини. Его послевоенное заявление о том, что «с октября 1942 г. он решил освободиться от услуг Муссолини»²⁹, является лишь попыткой задним числом отмежеваться от фашизма. Верно другое, а именно то, что в этот период королевский двор стал средоточием всех тех, кто начинал искать выход из создавшегося положения. «Я всегда был против войны, и все об этом знают, — говорил в то время Чиано приближенному короля, начальнику корпуса карабинеров генералу Азону. — Я всегда был и продолжаю быть противником корпоративной системы, которая расстроила экономическую жизнь страны. Абсолютно ясно, что я совершенно не разделяю ответственности, которую несет дуче. Я предан королю и вижу в нем единственного надежного руководителя, которым располагает Италия»³⁰. Примеру Чиано следовали многие другие видные фашисты, не говоря уже о представителях военной верхушки и высших чинов бюрократии. Адъютант короля Пунтони, рассказывая Виктору Эммануилу о беседе с начальником военной разведки, генералом Аме, говорил: «Они надеются на вмешательство короны и считают необходимым, чтобы король использовал армию, которая является единственной силой, способной в случае кризиса спасти положение»³¹. Итальянские генералы стали вспоминать, что они присягали на верность монархии, а не фашизму. Некоторые из них даже побуждали короля активнее вмешаться в ход событий. Однако

²⁷ G. Bianchi. Op. cit., p. 849.

²⁸ F. W. Deakin. Op. cit., p. 50.

²⁹ R. Zangrandi. 1943: 25 luglio — 8 settembre. Milano, 1964, p. 70.

³⁰ G. Bocca. Storia d'Italia nella guerra fascista. Bari, 1960, p. 448.

³¹ F. W. Deakin. Op. cit., p. 268.

осторожный и скрытный Виктор Эммануил, как только речь заходила о каких-то решительных шагах, переводил разговор на другую тему.

Единственно, о чем он заботился в то время, — это о том, чтобы вокруг Рима было достаточно войск для пресечения возможных беспорядков. «В стране дела идут все хуже и хуже, — докладывал ему генерал Азон. — Недовольство Муссолини и фашистскими иерархами становится все более сильным»³². Король панически боялся народных волнений. Призрак массовых выступлений преследовал его со времен революционных событий в начале 20-х годов. Виктор Эммануил уверял Пунтони, что в те дни его все бросили, и он был вынужден сам «отдавать приказы префектам и командирам армейских корпусов»; именно поэтому он призвал к власти фашистов³³.

Теперь король при каждом удачном случае твердил Муссолини и близким ему людям о необходимости отозвать войска с фронтов и сконцентрировать их на территории Италии. В остальном король хранил загадочное молчание, стараясь держаться в тени. Зато активную, хотя и тщательно замаскированную деятельность развивал его приближенный, герцог Акварон. В 1939 г. Виктор Эммануил сделал Акварона распорядителем королевского имущества, и вскоре хитрый генуэзец стал главным доверенным лицом монарха. Акварон стремился сплотить вокруг двора тех, кто позволил бы ему контролировать обстановку в трудный момент. Он нашел общий язык с начальником корпуса карабинеров, генералом Азоном, ярым монархистом. Карабинеры — корпус военной жандармерии — были одним из самых дисциплинированных организмов в итальянском государстве и по традиции находились под сильным монархическим влиянием. Начальник политической полиции Сенизе также сблизился в это время с королевским двором. Акварон поддерживал контакты и с маршалами Бадольо и Кавильей, которые были обижены на Муссолини и могли понадобиться в нужный момент.

Монархическая верхушка и фашистские диссиденты были также связаны с определенными кругами промышленного и финансового капитала. К концу 1942 г. угроза потерять все те преимущества, которые получали от войны итальянские монополии, стала весьма реальной. Появление сильной англо-американской армии в Африке и гибель итальянских дивизий на советско-германском фронте опрокинули всякую надежду на то, что они станут хозяевами этих районов. В самой Италии затруднения с сырьем достигли угрожающих размеров. Кроме того, англо-американские бомбардировщики наносили ощутимый урон промышленным объектам, и их владельцы не хотели пассивно наблюдать за разрушением своего имущества. Немецкие военные и экономические представители все бесцеремоннее вмешивались в хозяйственную жизнь Италии, ущемляя интересы промышленников. Все это побуждало итальянскую крупную буржуазию подумать о выходе из войны. 7 января 1943 г. Чиапо сделал следующую запись в дневнике: «Пирелли открыл мне свои карты. Он рассказал о беседе с одним швейцарским банкиром, недавно вернувшимся из Лондона. Он не скрыл, что считает войну выигранной союзниками... Он подтвердил, что для нас будет легче найти понимание в Лондоне, чем в Вашингтоне»³⁴. Один из крупнейших итальянских магнатов разговаривал с фашистским министром иностранных дел тоном хозяина. Он не ограничивался намеками, в каком направлении следует действовать и к кому обращаться.

Определенное влияние на поведение фашистской верхушки оказывал Ватикан. Позиция руководителей католической церкви отличалась традиционной осмотрительностью и опасением скомпрометировать себя категорическими утверждениями. В рождественских посланиях, которые являлись определяющими документами ватиканской политики, папа Пий XII ограничивался самыми общими фразами в пользу мира, призывая к милосердию по отношению к побежденным и страдающим. В рождественском послании папы 1942 г. содержались гораздо более явные призывы к «справедливому и почетному миру», который должен был положить конец «страданиям народов». Все места из папской речи, касавшиеся этого вопроса, были вычеркнуты итальянской цензурой, а секретарь фашистской партии Видуссони стал даже говорить о том, что «партия готовится взять Ватикан штурмом»³⁵. Скрытое стремление Ватикана отмежеваться от топящего фашизма достаточно хорошо чувствовал Муссолини. В разговорах с близкими

³² G. Bianchi. Op. cit., p. 268.

³³ F. W. Deakin. Op. cit., p. 53.

³⁴ G. Ciano. Diario, vol. II, p. 267—268.

³⁵ G. Bianchi. Op. cit., p. 278—279.

он все более открыто нападал на руководителей католической церкви, обвиняя их в том, что папский двор стал центром пораженцев и антифашистов. Действительно, осторожные попытки Ватикана оказать поддержку монархии служили ориентиром для многих представителей правящего класса.

Весной 1943 г. все внешние и внутренние факторы, которые вели итальянский фашизм к краху, сплелись в один неразрывный узел. Военное положение страны резко ухудшилось. Итальянские войска в Северной Африке вместе с дивизиями Роммеля отступили в Тунис. 12 мая они капитулировали, и в плен пошло более 200 тыс. итальянцев и немцев. 13 мая итальянские газеты поместили лаконичное сообщение: «1-я армия прекратила сопротивление по приказу дуче»³⁶. Новую атмосферу в стране создали крупнейшие мартовские забастовки в Северной Италии. Сигналом для начала выступления послужила забастовка на заводах «Фиат» 5 марта. В течение нескольких минут рабочие огромного предприятия бросили работу. Эта новость распространилась по городу, и через несколько часов к бастующим присоединились трудящиеся еще семи заводов. Хотя отряды фашистской милиции были собраны по тревоге еще на рассвете этого дня, неожиданный размах выступлений заставил власти воздержаться от немедленных мер. 19 марта начались забастовки в Милане и окрестных провинциях. В этот период число бастующих в Северной Италии достигало 300 тыс. человек. Видный фашист Федерцони в письме к Муссолини писал в те дни об обстановке в Милане: «Если тебе будут говорить, что движение носило экономический характер, то это ложь... Партия отсутствует — она бессильна... Творится что-то невообразимое... Повсюду — в трамваях, в кафе, театрах и кино, в поездах, в бомбоубежищах критикуют и ругают режим и адресуют свои выпады не против того или иного партийного руководителя, а против дуче. Самое серьезное, что никто против этого не протестует»³⁷.

Муссолини каждый день звонил начальнику полиции и требовал от него отчета о ходе дел. 11 марта собралось на очередное заседание руководство фашистской партии. В то время еще не был до конца ясен размах движения. Тем не менее забастовка была главным событием, и Муссолини с яростью обрушился на рабочих. «Мы не какое-либо либеральное государство, — говорил он, — которое позволяет себя шантажировать часовой забастовкой на предприятии. Я рассматриваю это как самое настоящее предательство... Если они сейчас же не прекратят беззаконие, то с ними будут поступать, как с теми, кто покидает свое место на фронте перед врагом»³⁸. Все же фашистские власти не решились послать против рабочих войска, и волнения продолжались также и в первых числах апреля. В то время как Муссолини кричал, что не даст забастовщикам «ни одного чентезимо», владельцы предприятий, напуганные силой протеста, были склонны пойти на перемирие. В середине апреля почти все экономические требования рабочих были удовлетворены.

Муссолини вынужден был признать свое поражение. Выступая на заседании руководства партии, он говорил, что «этот в высшей степени неприятный, крайне огорчительный эпизод неожиданно отбросил страну на 20 лет назад; что следует рассматривать его в широких рамках международного положения, когда русское наступление казалось неудержимым»³⁹.

Мартовские забастовки 1943 г. показали, что рабочий класс решительно становился во главе массовой борьбы, в чем была прямая заслуга коммунистической партии. Итальянские трудящиеся стали обретать уверенность в своих силах и открыто бросали вызов всему аппарату фашистского гнета и террора.

В те дни фашистские корпоративные синдикаты оказались полностью оттесненными. Одним ударом было покончено с мифом о классовом мире, которого якобы удалось добиться фашизму. «Не сердись на меня, — доверительно писал в дни забастовки Муссолини ультрафашист Фариначи, — если я еще раз скажу тебе, что корпоративный эксперимент обновителей, импровизаторов и демагогов не удался»⁴⁰. Массовое выступление трудящихся вызвало тревогу в итальянской правящей верхушке, оно беспокоило также и Гитлера. Узнав о волнениях в Турине, Гитлер воскликнул: «Для

³⁶ G. B o s s a. Op. cit., p. 551.

³⁷ F. W. D e a k i n. Op. cit., p. 228—229.

³⁸ F. W. D e a k i n. Op. cit., p. 230.

³⁹ Ibid.. p. 316—318.

⁴⁰ Ibid.. p. 228.

меня немислимо, что народ может бастовать на восьми фабриках. И никто не решается вмешаться! Им удалось ограничить забастовку, но лишь после долгих колебаний. Я убежден, что те, кто проявляет в подобных случаях минимальную слабость, может считать себя потерянным»⁴¹.

Панику в рядах фашистов усиливали и военные события. В ночь на 10 июля 1943 г. англо-американские войска начали высадку на Сицилии и в течение нескольких недель заняли весь остров. Дивизии береговой обороны, состоявшие частично из жителей Сицилии, растаяли как снег при первых же ударах союзников. Сильно укрепленная крепость Августа была покинута гарнизоном при появлении на горизонте союзного флота. Это была самая настоящая забастовка: солдаты массами сдавались в плен или дезертировали, офицеры ничего не предпринимали для того, чтобы заставить их сражаться. Их действия нельзя было объяснить трусостью или отсутствием патриотизма: своим поведением солдаты ясно свидетельствовали, что считают фашизм силой, враждебной им самим и всей Италии.

Уже на следующий день после начала высадки в Сицилии заместитель министра иностранных дел Бастианини позвонил в итальянское посольство в Берлине и «возбужденным голосом» передал просьбу ускорить присылку новых немецких сил, в первую очередь самолетов. В последующие дни просьбы о помощи повторились по всем каналам и на всех уровнях. Однако на этот раз Гитлер ничего не мог сделать. 18 июля германское верховное командование уведомило итальянского военного атташе, что русские начали наступление на всем фронте и всякая надежда на какую-либо существенную помощь из Германии должна быть оставлена⁴². Оказавшись один на один с англо-американскими армиями, Муссолини не мог рассчитывать на успешную оборону ни Сицилии, ни Апеннинского полуострова. Решающая заслуга в этом принадлежала Советской Армии.

Принято считать, что судьба Муссолини была окончательно predetermined предстателями правящего класса 19 июля 1943 г. Что касается монархической верхушки, то это верно. В тот день произошли события, которые побудили короля покончить со своей нерешительностью: Муссолини во время встречи с Гитлером в Фельтре не осмелился ему заявить, что Италия не в силах продолжать войну: в то же время Рим впервые подвергся массированному налету американской авиации. Однако еще раньше крупная буржуазия заняла позицию, которая лишила Муссолини возможности удержаться у власти. Сигнал для открытой критики Муссолини подал крупный итальянский монополист Чини, который с февраля 1943 г. был министром путей сообщения. На заседании совета министров 19 июля Чини неожиданно попросил слова. «Пришло время, — заявил он, — реально посмотреть на вещи и решить, может ли Италия продолжать войну. Если нет, то нужно подумать о заключении мира или каком-либо промежуточном решении, не дожидаясь последнего часа... Повсюду создается ситуация, которая может привести к серьезным последствиям. Народ страдает и раздаются проклятия. Невозможно закрывать глаза и затыкать уши, нужно вмешаться, чтобы не случилось непоправимое»⁴³.

Устами Чини монополистические круги Италии, стоящие за кулисами фашизма, изложили свои требования: не ожидая, пока народные массы скажут решающее слово, произвести коренные изменения в курсе страны. Если Муссолини не в силах этого сделать, он должен уйти со сцены, уступив место другим. Король пришел к решению, что следует подготовить «запасное» правительство «специалистов» во главе с Бадольо. 16 июля герцог Акварон пригласил к себе либерала Солери и попросил его помочь подобрать кандидатуры на министерские посты. И все же до последней минуты король продолжал надеяться, что дело может обойтись без подобных потрясений. Лишь результаты встречи в Фельтре заставили его отдать приказ начальнику генерального штаба генералу Амброзио о подготовке к смещению Муссолини. Оно было намечено на 26 июля, к очередному докладу Муссолини королю. Амброзио и Акварон немедленно принялись за дело. Первый отдал приказ о переброске к Риму трех армейских дивизий, чтобы парализовать возможную реакцию чернорубашечников. Акварон уточнил с бывшим начальником полиции Сеннзе технический план переворота: видимо, по его совету

⁴¹ F. W. Deakin. Op. cit., p. 232.

⁴² F. W. Deakin. Op. cit., p. 380.

⁴³ Текст выступления Чини см.: G. Bianchi. Op. cit., p. 904—907.

было решено арестовать Муссолини сразу же после королевской аудиенции, лишив его возможности покинуть дворец⁴⁴.

Со своей стороны, фашистские главари, ничего не зная о планах королевского двора, готовились к назначенному на 24 июля 1943 г. заседанию Большого фашистского совета. Гранди намеревался поставить на голосование верховного органа фашистской партии резолюцию, которая предлагала передать королю командование всеми вооруженными силами и предоставить ему «ту высшую инициативу в принятии решений, которую предусматривает конституционное устройство». В резолюции содержались пункты о превращении палаты корпораций в палату депутатов, о повышении роли совета министров и особенно Большого фашистского совета. В ней ничего не говорилось об отстранении Муссолини: фашистская диктатура должна была войти в рамки конституционной монархии, а личная власть «дуче» ограничена⁴⁵. Гранди немедленно начал знакомить с содержанием резолюции своих друзей. С ней выразили согласие Боттаи, Федерцони и Чиано, они же приняли участие в редактировании окончательного текста. Копию резолюции Гранди направил Акварону для передачи королю, другую — послал Муссолини через секретаря партии Скорца. Таким образом, Муссолини знал о том, что готовили его ближайшие приспешники; кроме того, со всех сторон к нему поступали сведения о подготовке заговора в среде генерального штаба. Однако он не придавал всему этому особого значения и отверг предложения принять чрезвычайные меры предосторожности.

К 17 часам 24 июля фашистские главари собрались в Венецианском дворце. Заседание открыл Муссолини: в своем двухчасовом докладе он сделал обзор хода военных действий, обвиняя в неудачах генеральный штаб. Перейдя к внутреннему положению, он атаковал пораженцев, в частности Гранди. «Будьте осторожны, резолюция Гранди может поставить вопрос о существовании фашистского режима», — закончил он. После Муссолини выступили два престарелых маршала — Де Боно и Де Векки, которые встали в защиту армии, прибегая главным образом к риторическим фразам. После них наступила очередь Гранди. Он зачитал резолюцию, содержание которой было уже известно почти всем присутствующим. Затем он резко атаковал Муссолини: «Твоя диктатура подорвала фашизм, глупая и узкая формулировка о том, что эта война — война фашистского режима, привела нас к кризису... Что ты сделал за 15 лет, в течение которых стоял во главе военных министерств?»⁴⁶. Около двух часов ночи, после почти 10-часовых прений, Муссолини поставил резолюцию Гранди на голосование. Его исход был известен заранее — 19 человек голосовали за нее, против — 8⁴⁷. Закрывая заседание, Муссолини сказал: «Вы вызвали кризис фашистского режима».

Существует много предположений относительно того, почему Муссолини был так пассивен во время заседания Большого совета и в предшествующие дни. Правильнее всего считать, что свою роль сыграли многие факторы, главным из которых было осознание им глубины кризиса, который переживал фашистский режим. Однако при всем том Муссолини был уверен, что не потерял контроль над обстановкой и способен восстановить власть над своими взбунтовавшимися сподвижниками. Он знал, что рекомендации Большого совета подлежат утверждению короля, и твердо надеялся на его поддержку.

Утром 25 июля 1943 г. Муссолини попросил короля принять его досрочно, в тот же день вечером. Когда к нему явился начальник фашистской милиции Гальбиати с предложением арестовать всех, кто голосовал за резолюцию Гранди, тот ответил: «Через несколько часов я буду у короля, и мы с ним все решим». Однако, когда он прибыл на королевскую виллу, то Виктор Эммануил неожиданно заявил Муссолини, что новым главой правительства он назначил маршала Бадольо. Беседа с королем заняла всего около 20 минут. Как только Муссолини покинул королевские покои, его под предлогом охраны от возможных покушений усадили в санитарный автомобиль и доставили в казарму карабинеров. Только там он понял, что находится под арестом. В тот же вечер было передано по радио сообщение, что король «принял отставку кавалера Бенито Муссолини» и назначил главой правительства маршала Бадольо. Падение Муссолини

⁴⁴ F. W. Deakin. Op. cit., p. 430—432.

⁴⁵ Текст резолюции см.: F. W. Deakin. Op. cit., p. 447—448.

⁴⁶ G. Bossa. Op. cit., p. 585.

⁴⁷ G. Bianchi. Op. cit., p. 608.

произошло необычайно легко. Ни один из его приближенных не пришел к нему на помощь. Фашистские главари думали в это время каждый о своей шкуре и стремились переложить на Муссолини ответственность за политику, которую они до недавнего времени целиком разделяли. Его нужно было принести в жертву, не дожидаясь, пока события приобретут катастрофический характер.

45 ДНЕЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА БАДОЛЬО

Несмотря на все колебания и проволочки, монархической верхушке еще удавалось опередить народные силы. Хотя мартовские выступления рабочего класса активизировали оппозицию, антифашисты не сумели еще создать в стране движение, направленное против диктатуры. Народные массы не были достаточно хорошо подготовлены: им не хватало организованности и средств для борьбы. В то же время монархия воспользовалась услугами не только государственного аппарата, но и высших сфер фашистской партии. Решающее значение имела помощь армии и полиции. Приход к власти Бадольо вовсе не свидетельствовал о стремлении правящего класса решительно покончить с фашистским режимом. Новое руководство должно было выполнить задачи, которые оказались не под силу Муссолини, — вывести Италию из войны, не допустив при этом народных волнений и революционного взрыва.

Замысел короля и его окружения заключался в следующем. Военное правительство во главе со «старым солдатом» Бадольо по возможности постепенно и без потерь оторвется от Германии и заключит перемирие. После этого будет сформировано «политическое правительство». Кто должен был возглавить это правительство и какой характер оно должно было носить? Фашистские верхи, и в первую очередь Гранди, думали, что они займут в нем видное место, и имели для этого все основания. Король не исключал даже того, что к власти может возвратиться Муссолини, правда, не в роли всемогущего диктатора, а в качестве «премьер-министра его величества». Во всех случаях это правительство должно было оставить в неприкосновенности те учреждения фашистского режима, которые вполне устраивали монархию, ликвидировав лишь некоторые его наиболее одиозные учреждения, вроде особого трибунала. Но это было дело будущего, а пока что для самосохранения правящей клики в трудной и сложной обстановке нужна была военная диктатура.

Казалось, Бадольо явился самой подходящей фигурой на роль военного диктатора, не претендующего на право политических решений. Его военная карьера была связана с верным служением фашистскому режиму. За руководство завоевательной кампанией в Эфиопии он получил титулы «герцога Аддис-Абебы» и «вице-короля Абиссинии». Бадольо руководил итальянской интервенцией в Испании, разработал план оккупации Албании и непосредственно готовил итальянскую армию к участию во второй мировой войне.

Серьезной осечкой в его карьере стала война против Греции. Когда же Муссолини сделал Бадольо козлом отпущения за провал этой «карательной экспедиции» и уволил его в отставку, начались взаимные обиды. Личной неприязнью к Муссолини и ограничился главным образом «антифашизм» 70-летнего маршала: ведь и в отставке он продолжал получать все виды денежного содержания, которые обеспечил ему фашизм.

Присущая Бадольо скрытность и отсутствие у него политических связей весьма импонировали королю. Бадольо надлежало действовать, сохраняя полную преемственность по отношению к фашистскому режиму, и король стремился придать смещению Муссолини характер обычной смены правительственных кабинетов. В состав нового правительства не включили никого из видных фашистов, так как это могло только осложнить положение. Новые министры занимали при фашизме второстепенные посты, однако за небольшим исключением, были известны как ревностные исполнители воли Муссолини. В то же время Бадольо пошел гораздо дальше в ликвидации учреждений фашистского режима, чем этого хотелось бы королю. С 29 июля по 5 августа 1943 г. правительство приняло декреты о роспуске фашистской партии, упразднении особого трибунала, палаты фашизма и института фашистской культуры. Были изменены названия министерств корпораций, народной культуры, ликторские пучки на военной форме заменены звездочками, отменено фашистское приветствие и т. д.

Бадольо намеревался опереться на армию и опасался соперничества со стороны фашистской партии. Но этим не исчерпывается объяснение принятых им мер. Как пишет в мемуарах близкий советник короля, либерал М. Солери, вскоре после переворота Гранди обратился с предложением создать «единую национальную партию», которая объединила бы фашистов, либералов и католиков. Гранди доказывал, что это будет «единственным средством противостоять огромной силе коммунизма». Солери ответил, что как раз наоборот, если монархия немедленно не отмежуетсЯ от фашизма, то это вызовет соответствующую реакцию масс и «будет прямым путем к коммунизму»⁴⁸. Мнение Солери разделял Бадольо, о чем свидетельствует следующая запись из его мемуаров. «Уже более года итальянский народ открыто демонстрирует свою ненависть к фашизму и войне. Достаточно не сидеть взаперти дома и не быть слепым и глухим для того, чтобы отдать себе отчет в истинном положении вещей»⁴⁹. Подтверждением тому служил взрыв народного ликования, который последовал сразу за сообщением о смещении Муссолини. Улицы итальянских городов заполнились народом. Впервые после того, как в течение 20 лет людей сгоняли на площадь прослушивать очередную речь дуче и инсценировать одобрение мероприятий фашистского режима, повсюду происходили стихийные и искренние манифестации.

«Тишина летней ночи была взбудоражена песнями, криками, возгласами, — так описывает обстановку в Риме 25 июля журналист П. Монелли. — Какая-то группа движется по улице Тритоне, крича во все горло: «Граждане! Проснитесь! Муссолини арестован, смерть Муссолини, долой фашизм!» Окна домов внезапно ярко освещаются, двери распахиваются, и все в крайнем волнении торопится на улицу, чтобы обняться и обменяться новостями. На тех, кто сохранил на отвороте пиджака фашистский значок, немедленно набрасываются с криком «Долой этого клопа!»⁵⁰.

В большинстве городов народные манифестации продолжались всю ночь. Со стен домов срывали фашистские эмблемы, многие помещения фашистской партии были разгромлены. Фашисты, которые неосмотрительно показывались на улицах в форме, были вынуждены сбрасывать ее и возвращались домой полураздетыми. Однако никто из видных представителей павшего режима не пострадал в эти дни от народного гнева. Хотя манифестанты выражали солидарность с новым правительством и кричали «Да здравствует король!», размах стихийных выступлений произвел сильное впечатление на новых руководителей страны. Если к фашистам правительство проявляло заботу и предупредительность, то по отношению к народу оно было намерено действовать самым решительным и беспощадным образом.

В то время как народ праздновал на площадях свержение Муссолини, префекты всех городов получили следующую телеграмму: «Немедленно принять меры в соответствии с «планом А». Это был план, разработанный фашистскими властями и предусматривающий боевую готовность всех сил «общественного порядка». На следующий день последовал приказ о вступлении в силу «плана Б», который вводил в стране военное положение. Вся власть на местах перешла военному командованию. Был введен комендантский час с захода солнца и до рассвета, запрещено было собираться на улицах группами, передвигаться на автомашинах и распространять какие-либо призывы. Всякие попытки организовать демонстрации должны были рассматриваться как попытки восстания, и военные коменданты были обязаны открывать огонь против демонстрантов «без всякого предупреждения»⁵¹.

Не довольствуясь этими мерами, которые были рассчитаны фашистским режимом на крайний случай, Бадольо направил всем командирам воинских частей подробную инструкцию. Этот циркуляр, составленный начальником штаба сухопутной армии генералом М. Роатта, заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью: «При создавшемся положении любое нарушение, как бы оно ни было незначительно и какой бы характер оно ни носило, представляет собой предательство и в случае, если оно не будет подавлено, может привести к самым тяжелым последствиям. Любое движение должно быть подавлено беспощадно в самом зародыше. Необходимо решительно отказаться от допотопных методов заградительных кордонов, звуковых сигналов, предупреждений

⁴⁸ M. Soleri. *Memorie*. Roma, 1951, p. 225, 255.

⁴⁹ P. Badoglio. *L'Italie dans la seconde guerre mondiale*. Paris, 1946, p. 84.

⁵⁰ P. Monelli. Roma 1943. Roma, 1945, p. 156—157.

⁵¹ R. Zangrandi. *Op. cit.*, p. 185—186.

и убеждений. Войска должны выступать против нарушителей в боевом порядке и безо всяких предупреждений открывать огонь на расстоянии, не останавливаясь перед применением минометов и артиллерии, совершенно так же, как если бы они действовали против неприятеля. Ни в коем случае не следует стрелять в воздух, но прямо по цели, как в боевых условиях»⁵².

В первые же дни после установления военной диктатуры итальянские генералы показали, что они способны действовать против собственного народа так, как если бы это был неприятель. Например, в Реджо-Эмилии был открыт огонь против рабочих предприятия «Реджане», в результате чего девять человек, из которых одна женщина, были убиты. Еще более кровопролитными были события в Бари, где на площади была расстреляна толпа, праздновавшая освобождение от фашизма. Было ранено 70 и убито 20 человек. Не всегда армейским командирам удавалось заставить итальянских солдат открывать огонь по безоружной толпе. Несколько офицеров и солдат были преданы суду военных трибуналов за неисполнение приказа. Однако это было исключением. Главный итог этих дней военной диктатуры заключался в том, что, в то время как ни один фашист не поплатился ни за одно совершенное им преступление, улицы итальянских городов облились кровью рабочих.

Монархия стремилась использовать для сохранения тоталитарного режима все средства, изобретенные для этого фашизмом. Ни одна из полицейских организаций не претерпела каких-либо изменений. Печати было дано указание ни в коем случае не упоминать о политической полиции ОВРА, однако эта организация продолжала действовать так же, как и в фашистский период. В декрете об упразднении особого трибунала, изданном 29 июля 1943 г., говорилось, что дела, подлежащие его компетенции, «на период военного положения» будут рассматриваться военными трибуналами. Эти трибуналы проявили даже большую активность, чем фашистские. Их деятельность широко освещалась в газетах в целях устрашения. По подсчетам Р. Дзангранди, с 27 июля и до начала сентября 1943 г. в 20 крупнейших городах Италии было осуждено не менее 3500 человек к срокам от 6 до 18 лет. Общее число лиц, дела которых были переданы за это время в военные трибуналы, достигло 30 тыс. человек⁵³.

Несмотря на жестокие репрессии, правительству не удалось полностью взять под контроль положение в стране. Слишком велико было желание народа решительно покончить с ненавистным прошлым. Если король был противником каких-либо компромиссов с демократическими силами, то Бадольо понимал, что необходимы уступки. Хотя в декрете о роспуске фашистской партии подчеркивалось, что одновременно запрещается деятельность любых других политических партий, антифашистские силы сумели начать легальную работу.

Находившиеся в Риме антифашисты создали Комитет оппозиционных партий. В него входили представители либеральной партии, партии «Демократии труда», христианских демократов, партии действия, социалисты и коммунисты. Антифашистские партии вначале не обладали силами для того, чтобы оказывать влияние на положение в стране. За исключением коммунистов, никто из них не имел даже подобия какой-либо организации. Фактически они представляли собой небольшие группы, не имевшие связи с массами. К тому же, буржуазные партии были против активных действий, стремясь навязать другим осторожную тактику выжидания. По тактическим соображениям они были также против немедленного участия в правительстве или создании антифашистского правительства⁵⁴.

Все это сдерживало инициативу коммунистов, которые сразу же выступили как наиболее деятельные сторонники полной ликвидации остатков фашизма. Кроме того, ряд соображений удерживал коммунистов от призывов к народным массам восстать против правительства. Говоря об этом на V съезде ИКП в 1964 г., П. Тольятти указывал, что в то время, за исключением промышленных центров Северной Италии, население остальных районов страны доверяло королю и Бадольо. Восстание против правительства разорвало бы только что начинавшее складываться единство антифа-

⁵² Р. Б а т т а л я. История итальянского движения Сопротивления. М., 1953, стр. 92—93.

⁵³ R. Z a n g r a n d i. Op. cit., p. 195.

⁵⁴ I. B o n o m i. Diario di un anno. Cernusco sul Naviglio, 1947, p. 35.

шистских партий, привело бы к вмешательству гитлеровцев и, наконец, затруднило бы контакты Бадольо с союзниками, о которых партия знала⁵⁵.

К концу августа угроза немецкого вторжения становилась все более реальной. Это не было какой-либо неожиданностью. С самого начала было ясно, что Гитлер не позволит своему главному союзнику безнаказанно выйти из войны. Поэтому наиболее разумным было, как можно быстрее заключить перемирие, используя замешательство немцев после свержения Муссолини. В первые дни после переворота в Италии было всего семь немецких дивизий, четыре из которых вели бои на Сицилии. Король и Бадольо выбрали путь проволок и двойной игры, который позволил Гитлеру собраться с силами.

Дав в коммюнике о смещении Муссолини злополучное обещание «продолжить войну», Бадольо сразу же после переворота заверил немецких представителей в своей преданности. Однако Гитлер ни на минуту не сомневался в истинных намерениях нового правительства. Уже 26 июля, собрав военных специалистов, он сказал, что Бадольо «готовит предательство», и заявил, что на этот раз он «твердо намерен нанести мгновенный и решительный удар»⁵⁶. Германский генеральный штаб по приказу Гитлера разработал план оккупации Италии и разоружения ее армии. Итальянское командование также производило перегруппировку сил. Как свидетельствует начальник штаба итальянской сухопутной армии генерал Роатта, он получил приказ приблизить к главным городам большую часть дивизий, способных к быстрому маневру. Однако эти передвижения были направлены в первую очередь на предотвращение народных волнений. Сам Роатта пишет, что принятые меры обеспечили сохранение спокойствия в Италии, но в «огромной степени ослабили оборонительную систему страны»⁵⁷.

Главную надежду на спасение монархическое правительство связывало с вмешательством англо-американских войск. 12 августа 1943 г. для переговоров с союзниками в Лиссабон был отправлен генерал Каstellано. Через две недели он вернулся с сообщением о том, что перемирие последует за высадкой союзного десанта «около Рима», в то время как главные силы союзников нанесут удар в Южной Италии⁵⁸. До сих пор нет полной ясности, было ли в действительности дано Каstellано обещание о морском десанте союзников «около Рима». Эйзенхауэр в мемуарах ограничился лишь указанием на то, что «итальянские представители делали все возможное, чтобы узнать о наших планах, что было крайне нежелательно, так как мы не исключали возможность предательства»⁵⁹.

После долгих переговоров 3 сентября в местечке Кассибиле на Сицилии был подписан протокол о капитуляции Италии. Дата объявления секретного соглашения не была точно установлена. Каstellано было только сказано, что это произойдет в «течение двух недель». На этом основании Каstellано решил, что высадка десанта и объявление о перемирии будут осуществлены 12 сентября. Это неизвестно на чем основанное убеждение послужило исходным пунктом для расчетов итальянских руководителей.

Однако никаких серьезных мер для подготовки сопротивления немецкому вторжению не последовало. Итальянские генералы ограничились лишь дополнительной переброской к Риму нескольких дивизий. Правда, с 2 по 5 сентября командующие армиями были устно ознакомлены с документом, известным под названием «Памятная записка 44», где говорилось о сопротивлении в случае «враждебных действий» со стороны гитлеровских войск. Однако этот приказ должен был вступить в силу только в случае дополнительного указания из Рима. Этого указания так и не было получено.

О сотрудничестве с народными силами итальянские правители даже и не думали. 30 августа правительству был передан составленный Луиджи Лонго «Меморандум о срочной необходимости организовать национальную оборону». Главная идея документа заключалась в объединении сил армии и народа для оказания отпора гитлеровцам и фашистам⁶⁰. Правительство оставило эти предложения без внимания. Бадольо было

⁵⁵ «Il comunismo italiano nella seconda guerra mondiale». Roma, 1963, p. 33.

⁵⁶ F. W. Deakin. Op. cit., p. 487.

⁵⁷ M. Roatta. Otto milioni di baionette. Milano, 1946, p. 262; R. Zangrandi. Op. cit., p. 245.

⁵⁸ R. Zangrandi. Op. cit., p. 308—309.

⁵⁹ D. Eisenhower. Crociata in Europa. Milano, 1949, p. 238.

⁶⁰ Л. Лонго. Народ Италии в борьбе. М., 1951, стр. 79—80.

довольно легко отвергать предложения левых партий, поскольку он знал, что буржуазные деятели антифашистского комитета оппозиционных партий не разделяют их взглядов. Действительно, глава антифашистского комитета Бономи безапелляционно заявлял приближенным короля, что, по его мнению, единственная сила, на которую можно надеяться, — это англо-американские армии ⁶¹. Глава христианских демократов де Гаспери также считал, что «всякое выступление до того, как начнется высадка англо-американцев, выльется в ненужное кровопролитие» ⁶². Когда начальник бронетанкового корпуса генерал Карбони по собственной инициативе предложил руководителю либеральной партии Казати оружие, то он отказался, заявив, что совершенно не представляет, что ему с этим оружием делать ⁶³.

В сентябре 1943 г. радио Лондона неожиданно для итальянской стороны передало сообщение о капитуляции Италии. В этот критический момент никто из представителей королевского двора и военной верхушки и не подумал о том, чтобы возглавить сопротивление гитлеровцам. Между тем даже в той сложной обстановке, которая создавалась в стране, были значительные возможности для оказания сопротивления. Хотя Гитлер знал, что день выхода Италии из войны приближается, он не мог направить на Апеннинский полуостров значительных сил. За полтора месяца в Италию прибыло 9 немецких дивизий, и к 8 сентября их общее число достигло 16 ⁶⁴. Часть из них была предназначена для отпора англо-американским войскам, так как 3 сентября англичане высадились небольшими силами в Калабрию.

Итальянскому командованию за 45 дней не удалось вернуть дивизии, расположенные во Франции и на Балканах. Однако и без этого численный перевес в силах на Апеннинском полуострове был на стороне итальянской армии, которая имела 47 дивизий, не считая полицейских и других военизированных формирований ⁶⁵. При этом войскам предстояло сражаться на территории своей страны, защищая от нашествия родной дом. Поэтому достаточно было бы решительного призыва, чтобы вся эта масса вооруженных людей вступила в действие, значительно затруднив гитлеровскую оккупацию.

Итальянские правители были озабочены только собственной судьбой и повели себя крайне трусливо. Наиболее ярким проявлением пораженчества была сдача Рима. Несмотря на то, что гитлеровцы вблизи столицы Италии имели всего две дивизии, а три итальянских корпуса, предназначенных для обороны города, насчитывали не менее восьми дивизий, никто из высших военных деятелей не подумал об организации обороны. При первых известиях о наступлении немцев король, Бадольо и все представители властей бежали под защиту английских войск в Калабрию, оставив столицу на произвол судьбы. Пример римских руководителей, дезертировавших с поля боя, сыграл роковую роль в судьбе итальянской армии. Большая часть итальянских генералов в решающий момент или покинули свои посты, или покорно передали власть гитлеровцам.

Сила сопротивления гитлеровскому нашествию в те дни определялась не количеством находившихся в том или ином городе итальянских войск, а личной инициативой отдельных командиров или политических деятелей, возможностью объединить силы армии и народа. Героизм авангардов народных сил, подвиги отдельных солдат и офицеров потонули во всеобщем хаосе и панике. Через два дня после объявления перемирия вся территория Италии, за исключением южной оконечности полуострова, где начали высаживаться англо-американские войска, оказалась во власти гитлеровских оккупантов.

(Продолжение следует)

⁶¹ I. B o n o m i. Op. cit., p. 65.

⁶² Ibid., p. 72.

⁶³ R. Z a n g r a n d i. Op. cit., p. 219.

⁶⁴ F. R o s s i. Come arrivammo all'armistizio. Milano, 1946, p. 293—294.

⁶⁵ В. С. Стрелъников, Н. М. Черепанов. Война без риска. М., 1965, стр. 98.

